

18+

ИЗНАНКА ЖЕЛАНИЙ

КНИГА ПЕРВАЯ

ШАБАЛИН АНДРЕЙ

Андрей Шабалин
Изнанка желаний.
Книга первая

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56995628
ISBN 9785005113214*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Добро пожаловать в фантастический мир, находящийся с изнаночной стороны нашей реальности. Удивительные приключения, тайны мироздания, сражения и любовь – всё это ждёт на страницах романа «Изнанка Желаний».

Содержание

Предисловие и череда благодарностей	5
Пролог	7
Цимцум	11
Цель	11
Первый полёт	25
Селена	34
Семейство лакеров	53
Мойка	61
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Изнанка желаний
Книга первая
Андрей Шабалин

Вера Марышева *Корректор*

© Андрей Шабалин, 2020

ISBN 978-5-0051-1321-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие и череда благодарностей

В две тысячи четырнадцатом году мне впервые удалось заглянуть в чудесный мир, который восхитил меня своим многообразием и живописностью. Может, я бы приступил к написанию книги уже тогда, но жизнь распорядилась иначе, отправив меня в увлекательное путешествие по нашей собственной реальности.

Я жил в разных городах, встречался с множеством людей, познавал такие аспекты бытия, о которых и помыслить не мог. Но приключение подошло к своему логическому концу. Казалось, что жизнь потеряла какой-либо смысл. И вот однажды майским днём две тысячи девятнадцатого года я вспомнил, что всегда хотел написать книгу.

Раньше у меня были попытки, но они завершались по совершенно смешным причинам. Например, в одном романе главный герой буквально перепрыгнул через забор, оставив меня наедине с сюжетом, который не хотел развиваться.

Только когда я научился сотрудничеству с героями истории, когда решил конфликт между автором и критиком, тогда история позволила себе случиться. Эта книга, безусловно, родилась из воображения, но так ли хорошо мы знаем, что такое воображение? Возможно, это способ заглядывать

в другие реальности, такие же настоящие, как и наша с вами.

Говорят, что человек не способен представить себе то, чего нет. И я с этим согласен. А вы как думаете?

Спасибо мирам, что эта книга всё-таки появилась.

Спасибо Лиле Нечаевой за сердечную поддержку и мягкий контроль, так необходимые автору.

Спасибо маме за терпение и вкусные салаты, которыми я был всегда доволен.

Спасибо Мэйзу за умные вопросы, которые помогли узнать много нового.

Спасибо тем, кто поддержал желание писать и ждал эту книгу.

Пролог

Нет ничего, и это ничто во мне. Ничто не имеет подобия. Я лишь воспринимаю его. Ничто безгранично, можно вечность заполнять его собой, но так и не заполнить. Назову это пространством. Я есть сила, осознание, то, что есть. В отличие от ничего. Своим вниманием я разделяюсь на то, что творит, и то, что созерцает. То, что творит, – это я, и то, что созерцает, – это я.

Два элемента в пространстве. Творящий элемент испускает из себя образы. Откуда они? Это мои аспекты, моя память, память моего мира, то, что некогда было, но перемешанная и выданная в нечто новое.

Новым стал шар. Шарообразный сгусток энергии. У меня есть знание, что это шар, мои прошлые личности подсказывают это. Опыт во мне, коллективное знание. Шар разделяется под давлением вниманием на два сфероида, соединённые энергией.

Зависшая в нигде фигура так и просит, чтобы её подтолкнули, дали ей жизнь. Внимание задаёт вектор, и у фигуры появляется спин. Вращение усиливается. Когда сделан первый элемент, следующий появляется сам по себе. Вращающаяся фигура размножается. Я размещаю её так, чтобы было удобно наблюдать.

Фигуры образовали форму – ещё одну сферу, и эта сфе-

ра разделяется. На более маленькие и более крупные. Все они связаны энергией и размещены в пустоте. Вниманием я задаю спин большой фигуре. Внутреннее вращение смешивается из-за столкновения векторов. Некоторые элементы сталкиваются, лопаются, высвобождают энергию.

Освобождённая энергия не исчезает. Она следует вращению малых фигур и поэтому большая форма начинает закручиваться в спирали, создавая светимость. Спирали энергии вспыхивают и гаснут.

Я создаю следующую конструкцию, так же начиная с малых форм, закручивая и вращая их. Эта конструкция нужна для того, чтобы вращать первую в противоположную сторону. «Вечный двигатель», – подсказывают голоса.

Я знаю, знаю.

Продолжаю создавать и создавать формы, они вращаются, сталкиваются, создают друг с другом причудливые взаимосвязи. Освобождённая энергия делает этот процесс красивым и занимательным. Мне хочется большего. Иной принцип.

Осознаю творение и отодвигаю его на край сознания, то есть продолжаю наблюдать, но не всем вниманием. Творящая часть меня предлагает новый элемент – плоскость. Я исследую плоскость. Её можно копировать, расширять, изгибать. Ей не требуется энергия. Что же это такое? Ответ приходит вместе с вопросом.

Я возвращаю внимание к вращающимся сферам. Беру

множество плоскостей и окружаю ими сферы. Плоскости отражают сферы. Огромное количество отражений. Каждая плоскость уникальна по своей длине, ширине, кривизне, поэтому и отражения отличаются.

Красиво, захватывающе.

Я наблюдаю за тем, как фигуры отражаются и создают всё новые узоры. Те узоры, что мне нравятся, я схватываю вниманием и выношу в сторону. Так у меня формируется коллекция замкнутых систем. Я соединяю эти системы энергией. Они начинают взаимодействовать друг с другом.

Иногда я прерываюсь на то, чтобы вернуться в память, уснуть в своём прошлом, когда я был. Иногда я исследую свои границы. В пустоте их нет – я безграничен, но бывает, что меня нечто зовет, нечто, чего нет в пустоте, в памяти и в созданных мной системах. Я не знаю, что это. Странно.

Ещё я обнаружил пустоту пустоты. Тёмный кусочек области, в котором нет возможности что-то создавать. Невидимая область, без объяснений, и это меня тоже тревожит. Особенно из-за того, что творимые мной конструкции после столкновения с этой областью почему-то перестают развиваться: медленно гаснут, распадаются. Я ищу ответы в самом себе, повсюду, но что есть всюду, когда нет ничего?

В один момент всё изменилось. Я почувствовал, как часть меня была затянута в этот кусочек темноты. Каким-то странным образом я чувствовал эту часть себя. Расщепление, похожее на разделение себя по функциям. Я был здесь и там,

но где это «там», мне было совершенно непонятно. Я знал, что часть меня «там» чувствует меня «здесь», но в какой-то урезанной форме. Мы испытали жажду. Сильную, безумно сильную жажду... жить.

Цимцум

Цель

В бесконечном пространстве, которого нет, среди обширных полей антиматерии, за пределами времени и других измерений, существует город Цимцум. Жители города Цимцум ищут, собирают и обрабатывают антиматерию, чтобы создавать из неё вещество, пространство, галактики и вселенные.

Город разделён на шесть районов. Самый верхний из них – средоточие мудрости и знаний. Похожий на конус или остроконечную шляпу, верхний район содержит три квартала, которые соединил главный проспект. Вдоль проспекта раскинуты многочисленные улицы с домами, библиотеками, архивами, навигационными станциями и лабораториями.

Строений так много, и они настолько необычны, что вряд ли нашлось бы живое существо, способное охватить взглядом всё великолепие архитектуры верхнего района. Вот справа стеклянный куб оцетинился телескопами, будто морской ёж, а слева гигантская стена без видимых окон и дверей. Есть дома глубоко под землёй, поэтому видно только входные двери. Есть дома в нескольких измерениях, для наблю-

дателя они выглядят как плоскости, и только в специальных очках измерений можно увидеть строения целиком.

Улицы шестого района заполнены пешеходами, которые идут, плывут или летят по своим важным делам. Многие из них смотрят на голографический экран, зависший под самым куполом Цимцума. Экран в масштабе один к одному демонстрирует поля антиматерии. Иногда на нём показывают новости других районов или захватывающие истории иных реальностей. Сейчас экран транслировал одно из полей антиматерии, покрытое множеством золотистых значений. Смысл значений на экране был доступен только опытным картографам. Как раз один из таких только что выбежал из серебристо-синего строения, напоминающего морской гриб с бесконечно текучей шляпкой.

Картограф по имени Глушко внимательно изучил экран и сделал пометки в своём интерфейсе. Глушко потрянул лысой головой, будто отгоняя назойливую мысль. На мгновение замер, а потом решительно направился к одноэтажному дому, крышу которого венчала серебристая спираль с цветными лепестками.

В этом доме живёт интуитивный навигатор Дрюм. Именно он сейчас рассказывает о себе в третьем лице. Дрюм пребывает в состоянии интуитивного провидения, которое позволяет предвосхищать события. А его ментальные образы считывает специальное устройство – «Популярный Писатель», в быту – Поппи, и трансформирует их в текст.

– Значит, скоро у нас посетитель, – Дрюм перечитал записи на экране интерфейса, сделанные Поппи только что. – И что бы это значило?

– Быть может, в тебе рождается поэт? – любезно предложил свой вариант Поппи, обладающий не только возможностью считывать мысли Дрюма, но и формулировать собственные. – Столько красочных описаний. Bravo!

– Вот не надо этого, прошу! – Дрюм заварил чай, приготовил гостевые чашки и сел на коврик для медитаций в ожидании. Однако интуит не смог сосредоточиться. – Вообще это у меня впервые.

– Неправда, – отозвался Поппи. – Я был свидетелем и худших твоих образцов литературного творчества.

– А я, кажется, скоро стану свидетелем чека на новый пишущий аппарат, который не будет столь остёр на комментарии, – пригрозил Дрюм.

Поппи не отреагировал. Дрюм нуждался в шутливом тоне самописца. Интуитивный навигатор большую часть своей короткой жизни проводил за пределами Цимцума, в поисках рождающихся полей антиматерии. И по собственному заверению Дрюма в беседах с Поппи, навигатору требовалось снизить градус серьёзности, иначе интуитивные способности давали сбой. На призывы Поппи посетить реабилитационные центры Цимцума Дрюм реагировал скептически, мол, ему некогда и у него свои методы. Имелась в виду медитация. Так или иначе, Дрюм успешно провёл несколько

разведывательных миссий в полях антиматерии. Медитации, чай и Поппи помогли ему сохранить здравый рассудок, или Дрюму в это хотелось верить.

Раздался сигнал «посетитель». Лицо Дрюма на миг помрачнело, а потом вновь приобрело безмятежный вид. Дрюм подошёл к двери, по пути нажимая на экране интерфейса значок «открыть».

– Здравствуйте, Глушко, – Дрюм приветствовал картографа, появление которого было недавно предсказано. – Проходите, я как раз заварил чай.

– Благодарю, Дрюм, – ответил Глушко и последовал приглашению. Картограф сел в кресло, тогда как Дрюм вернулся на свой любимый коврик для медитаций. – Приятный чай. Спасибо.

– С чем пришли, Глушко? – Дрюм выдал улыбку, которая, впрочем, не скрыла тревогу навигатора.

– Что ты знаешь о тёмной энергии? – спросил Глушко. – Помимо общего курса квантовой агронавтики.

– Кроме того, что ей насыщаются поля антиматерии, пожалуй, ничего, – ответил Дрюм. – Раве что «видел» её переливы в полях.

– Это хорошо, что видел, – произнёс Глушко. – Ты прав, тёмная энергия через специальные каналы проходит с Изнанки и насыщает собой поля антиматерии. По крайней мере так было раньше.

– Что-то изменилось? – спросил Дрюм.

– Да, поэтому я здесь, – ответил Глушко. – Необходимо, чтобы ты составил интуитивную карту Цимцума.

– При чём тут интуитивная карта Цимцума? – переспросил Дрюм. – Тем более что это невозможно! Моя интуиция в городе не активна. Как мне составить такую карту?

– Интуиция действительно бездействует, Дрюм? – спросил Глушко. Дрюм замешкался, и картограф продолжил: – Дело в том, что есть данные, доказывающие наличие сильно-го влияния тёмной энергии внутри Цимцума, и этот процесс усиливается.

Глушко развернул перед Дрюмом голографическую полусферу. Пласты полупрозрачной материи волновались вокруг светящейся юлы города. Глушко указал на едва заметные полосы, пронизывающие Цимцум.

– Быть может, это помехи? – недоверчиво спросил Дрюм.

– Помехи? – на Дрюма уставился круглый глаз Глушко. – Голокарта – это не приёмник. Данные ввели – картинку получили. Только вот данные парадоксальные. Поэтому надо выяснить, в чём причина. Иначе всё будет плохо: дезинтеграция материи, трансматериальные вихри, квазиреальные переходы, смещение оси...

– Подождите, Глушко, подождите! – воскликнул Дрюм. – Я ценю, что вы такого мнения о моих интеллектуальных способностях. Но, честно признаюсь, мало что понял. Объясните проще, пожалуйста.

– Вот так учишь вас, учишь, – разочарованно произнесли

нижние губы картографа. А потом верхние тихо и даже зловеще прошептали: – Цимцум может остановиться. Навсегда.

– Мне кажется, вы сгущаете краски, – отреагировал Дрюм, которому срочно захотелось почесать лоб.

– И что? Драматизм не помешает в такой ситуации, – на этот раз Глушко говорил отстранённо, даже пренебрежительно, и, как заметил Дрюм, без использования губ.

– Не уверен, что я могу спасти реальность, это какая-то сверхзадача для вчерашнего выпускника, – Дрюм нервно подвинул ягодицы, так как медитативный коврик стал вдруг шипованной доской. – Как же ваши речи о нормальной жизни, социализации и отдыхе?

– Дрюм, это и есть нормальная жизнь. Что-то всегда случается. Сейчас случилось это, – Глушко звучал спокойно, а от того убедительно. – Проведи расследование, собери информацию, используй способности, никаких сверхзадач.

– А ведь я знал, что вы придёте. И знаю, что если соглашусь... – Дрюм сделал последний глоток чая, а вместе с ним и надежду на обычную жизнь. – Слишком сомнительное задание,

– Значит, всё-таки интуиция работает в пределах города? – скорее констатировал, чем спросил, Глушко.

– Да, и я не понимаю почему. Цимцум, как вы сами нас учили, – источник вечного момента «сейчас», у него нет альтернатив, потенциалов, вариантов, он то, что светит во все миры. Поэтому для меня было странно обнаружить, что

вместо обычной медитации сработало предвидение. Такого на моей памяти не было. – Дрюм наполнил чашку чаем и вопросительно уставился на Глушко.

– Я могу повторить про трансматериальные вихри... – Глушко увидел умоляющий взгляд Дрюма и, надев выражение добродушной серьёзности, дал ответ: – Во-первых, логично, что если в Цимцум попала тёмная энергия, то это должно было вызвать перемены в его качествах. На протяжении эпохи были собраны десятки сигналов об аномальном поведении Цимцума. Совет по выяснению причины, в который я вхожу, принял решение о множестве операций. К сожалению, результаты не утешают. Кстати, твоё последнее задание было связано с одной из таких операций.

– Подождите, насколько мне помнится, я получил похвалу за свою разведку. – Дрюм не до конца отошёл от последнего задания. Быть может, галлон чая и сотня медитаций помогла бы ему прийти в норму. Не то чтобы разведка антиматерии столь ужасный процесс, однако когда сознание растворяется в нигде и никогда, это похоже на... Наверное, самое близкое слово смерть. И, конечно, после такого возвращаться к жизнерадостному бытию не просто.

– Ты справился замечательно. Мы собрали важную информацию. В каком-то смысле даже произошёл переворот в поисках антиматерии. – Глушко замолчал, будто решая, продолжать или нет. – К сожалению, главную цель мы не достигли. Аномалии появляются с завидной регулярностью.

То, что твоя интуиция заработала внутри Цимцума, ещё одно доказательство расширения действия тёмной энергии. Раньше это было невозможно.

– Да, я понимаю, о чём вы.

Дрюм был единственным эгумом в Цимцуме. Согласно его внутреннему циклу, Дрюм появился в городе около полутора лет назад. Родился, или, если хотите, был сформирован в мастерских из малого поля антиматерии. Это отличалось от привычных способов появления жителей в Цимцуме. Всего их было два: ты мог родиться у горожанина или, пройдя через жизни в мирах, стать воплощённым. Будучи уникальным существом, Дрюм вызвал восторг многих академиков, когда выяснилось, что он обладает интуицией, способной находить поля антиматерии без дополнительных расчётов. Однако в самом городе Дрюм был обычным гуманоидом. До этого момента.

– Как вы узнали, что у меня заработала интуиция, если это только что случилось со мной?

– Я узнал о том, что твои способности активны, от тебя самого, – три глаза Глушко расползлись по макушке и устало закрылись.

– Как это? – удивился Дрюм.

– Ничего сверхъестественного, – сказал Глушко настолько широкой улыбкой, что она даже вышла за край лица. – Конечно, ты не явился ко мне во сне и не сообщил об этом в своей астральной проекции. Просто как ценный сотрудник,

извини, горожанин, ты подключён к общему сознанию Цимцума. Сугубо ради наблюдения, никаких оценок и уж точно не для ограничений твоей воли. Разве это для тебя новость?

– Я подключён... – Дрюм подозрительно посмотрел на корбочку, лежащую на столе. Поппи мигал огоньками. – Так вы за мной следите?

– Нет, что ты. Цимцум – одно большое сознание. Мы все его часть. Мы – рождённые и воплощённые. Поппи – инструмент, который позволяет тебе тоже быть частью Цимцума, – Глушко вернул привычное лицо наставника и учителя, с которым Дрюм провёл много циклов.

– Тогда почему у меня нет доступа к общему сознанию, – Дрюм почувствовал себя обделённым. – Только слабые шутки от этого устройства-шпиона?

«Эй! – услышал Дрюм ментальный возглас Поппи. – Мои шутки слабые ровно настолько, насколько ты можешь выдержать. Пошути я чуть сильнее, и твоё хрупкое эфирное тело, того и гляди, уплывет сизым облачком».

«С тобой мы потом поговорим!» – мысленно отреагировал Дрюм.

– Сознание Цимцума едино и проявляется во множестве форм уникальными способами, – сказал Глушко голосом заправского учителя, как и год назад в академии, когда Дрюм впервые спрашивал картографа о том, что такое поле анти-материи. – В Поппи, ещё раз подчеркну, проявляются те качества, которые нужны тебе. И то, что воспринимает Поппи,

становится частью общего сознания. Поппи необходим для связи с Цимцумом, так как у тебя её нет, как у всех остальных горожан. Ты же знаешь историю своего появления. Я уже говорил, что был собран совет, и проводились операции, именно поэтому все сигналы об аномалиях имеют высокий приоритет важности. А значит, когда произошло то, что не должно было происходить, когда ты стал наблюдать будущее в месте, где есть только сейчас, тогда общее сознание среагировало и оповестило весь совет. Ну а дальше, как ты понимаешь, я пришёл сюда с заданием.

– Вы, как всегда, логичны и рассудительны, Глушко, – отметил Дрюм, смирившись с мыслью о своей неполноценности. – Но кое-что мне всё равно не понятно. Да, случилось что-то странное. Так соберите мудрецов, проведите исследования, разберитесь. Мне и самому интересно, как вышло, что у меня заработала интуиция. Но почему сразу миссия?

– Дрюм, у нас есть только гипотезы и расчёты. Боюсь, что единственный способ выяснить истину, способ, на который мы все согласились, – это продолжить наблюдать за тобой, пока ты будешь наблюдать за Цимцумом, – Глушко покрылся глазами, подобно грибу, увиденному Дрюмом в чайной лавке накануне. – Двойное включённое наблюдение.

Дрюм не знал, что ответить. Он лишь чувствовал некое опасение, тревогу, что могло означать как предупреждение об опасности, так и сигнал о предстоящих глобальных изменениях в его жизни. И Дрюм не был готов ни к тому, ни

к другому.

Всего лишь полтора года назад, по внутреннему циклу, Дрюм очутился в этом огромном, восхитительном месте. Череда событий закружила его моментально. Существа, контакты, информация – всё свалилось в один момент. Не успел Дрюм осознать, что происходит, как его определили в академию и стали обучать искусству навигации. А потом начались учебные полёты в антипространство. Симуляцию, конечно, не сравнить с реальной разведкой, но и эти учебные программы давали немало пищи для осмыслений. Он быстро освоил курс, узнал общую информацию о себе и месте, где пребывает, свёл несколько знакомств и тут же был отправлен на реальные операции. После первого выхода за пределы Цимцума Дрюм хотел прийти в себя, гармонизироваться. И только он успокоил свои эмоциональные и эфирные волны, как тут же был отправлен в новый поход. Не такой уж и успешный, как он узнал сейчас. Второе путешествие к полям антиматерии прошло для эгума куда легче, чем первое, и всё же он бы предпочел отдохнуть и восстановить силы, чем пускаться в неизведанное.

Глушко терпеливо ждал, пока Дрюм пытается разобраться в себе. И только после двух чашек горячего чая интуитивный навигатор ответил:

– Я не знаю. Пока не восстановился после прошлого задания. И ещё... – Дрюм хотел рассказать о едва уловимом ощущении где-то вне тела. Гудение эфира. Но как это объ-

яснить представителю другого вида? Как это объяснить себе, если все эти ощущения для него самого в новинку? – Странное предчувствие.

– Вот поэтому, – радостно подхватил Глушко, – нужен именно ты. Предчувствие. Это же чудо. Согласен, пугает тебя, меня, весь совет, и всё же это чудо.

– Может такое быть, что я подхватил это там? – Дрюм сделал неопределённый жест, который обозначал антипротестанство. – Случаются же болезни, насморк. Я видел по ретранслятору. Или побочный эффект.

– Хороший вопрос. Прошу ответить на него самостоятельно, – вновь в Глушко зазвучал учитель Дрюма – строгий и принципиальный.

– Ладно, – утвердительно заключил Дрюм. Это было не просто формальное согласие. Осознанно включаясь в задание, интуитивный навигатор настраивал себя на достижение цели, а значит, всё, что с ним в дальнейшем может произойти, – это шаги к решению. – Я составлю интуитивную карту Цимцума. Прошу только дать несколько циклов на гармонизацию.

– Дрюм, фактически ты уже начал операцию, даже до того, как о ней узнал совет, поэтому всё, что считаешь нужным. В твоём распоряжении универсальный пропуск и служебный транспорт. Отчитываться, как понимаешь, нет смысла, просто держи при себе Поппи, – Глушко похлопал Дрюма по плечу. – Никакого контроля, сугубо научное наблюдение.

– Благодарю, – криво ухмыльнулся Дрюм, обеспокоенный заданием, но заинтригованный новыми игрушками.

Картограф передал Дрюму зелёную карту-пропуск, добавил к ней шаблон голокарты и позвал на улицу, чтобы продемонстрировать Луо – серебристый легковой транспортник,двигающийся по силовым линиям, которыми пронизан весь город. Луо сверкал свежей краской перед входом в жилище Дрюма.

– Я бы спросил, умеешь ли ты водить, да только это не требуется. Небольшая инструкция: садись, синхронизируешь интерфейс, после этого Луо везёт тебя куда надо. Мне кажется, тебе предстоит дальний путь, – подмигнул картограф. – Внутри ты найдёшь комбинезон для разных сред. Сам понимаешь, есть места, где даже для сверхновой будет жарковато, или такие, где едва поместятся два атома.

Глушко помахал на прощание и дезинтегрировал свой образ. Истинное обличие картографа мало кто видел. Тригуны, к коим относился Глушко, жили в тридцатимерном мире, поэтому даже в последней модели очков измерений, типичный тригун виделся как чёрное живое облако с красными сенсорами вместо глаз и бесконечным зеркальным отражением воспоминаний о невозможных чувствах, мыслях и звуках. Из-за такого обилия информации воспринимать тригунов было крайне сложно, даже болезненно.

Тригуны использовали проектируемые голографические образы, контактируя только в тех измерениях, которые мог

осознать их собеседник. Например, Дрюм только что разговаривал с полноватым старичком, на лысой голове которого плавали глаза, губы, уши. Тело и руки были привычными для гуманоидов. Если раньше Дрюм с любопытством разглядывал Глушко, то после обучения и операций под руководством картографа привык к этой форме и больше ориентировался на свои ощущения во время их бесед. Что всегда удивляло Дрюма, так это не быстро меняющаяся внешность Глушко, а то, как проекция могла пить чай.

Первый полёт

Дрюм осмотрел Луо. Округлая капля транспортника без видимых окон и дверей мирно висела над газоном. Навигатор сделал пару шагов, ближняя сторона Луо расплзлась из центра в стороны, давая возможность зайти внутрь. Дрюм заглянул в кабину. Никаких приборов навигатор не увидел, хотя внутри было светло. На полу лежал коврик для медитаций, а поверх него свёрток – комбинезон. Дрюм взял одежду и вернулся в дом, отверстие в Луо затянулось, как только он отошёл.

На столе мигал Поппи, у навигатора были к нему вопросы. Однако после такой насыщенной беседы начинать новую ему не хотелось. Дрюм позволил себе проигнорировать желание драматично воскликнуть: «Как же так, Поппи, как же так?!» – и направился напрямиком в эфирный душ.

В тёплых потоках эфира Дрюм наблюдал за блестящими искорками от лампочек душевой кабины – такие же, как в мастерской, где его сделали. Да, Дрюм был создан. Вся память, идеи, чувства были искусно вплетены в зачаток его собственного сознания. Субличность Дрюма состояла из лоскутков личностей различных потенциалов из Цимцума и нескольких миров. Конечно, его могли бы не создавать таким образом, а просто дожидаться, когда сгусток эфира со слабым сигналом сознания, каким его нашли в поле

антиматерии, повзрослеет и сформируется сам. Но так как не было других эгумов, которые бы показали, пример для развития, Дрюму сформировали наиболее распространённую форму гуманоида и насытили субличностью в надежде, что, когда придёт время, сознание Дрюма созреет и отбросит лишнее.

Во время обучения в академии Дрюм проявил себя способным учеником. Уже в симуляциях он демонстрировал способности по обнаружению растущих полей антиматерии. Однако внутри Цимцума он терял свою эфирную суть, и оставались только субличности со своими заморочками. Чтобы как-то снизить психологическую нагрузку, Дрюму посоветовали приобрести устройство ментального считывания. «Живой дневник, который поможет тебе разобраться с собой». Дрюм так и поступил.

Это была его первая поездка в другой район, если не считать регулярных посещений академии. Студент Дрюм вместе со своими сокурсниками прибыл в третий район – самый крупный рынок всего на свете. В основном здесь потенциалы из миров Цимцума примеряли себе желания, но и у горожан была возможность приобрести что-нибудь для себя.

Из поездки Дрюм привез домой смешанные впечатления, груды ярких вспышек в сознании и Поппи. Поначалу Поппи просто записывал все ментальные процессы. Но однажды начал реагировать, давать комментарии. А с тех пор как Дрюм приступил к реальным операциям, у Поппи появился свое-

нравный характер. Теперь Дрюм знал, что через устройство с ним общалось коллективное сознание Цимцума. Но почему Поппи сам не сказал, что наблюдает за эгумом? Дрюм почувствовал себя голым, впрочем, он и был голым, как и положено в душе.

Откуда-то всплыла мысль, что идея о наготe и её сокрытии свойственна различным существам и мирам. Где-то доведённая до абсурда, в Цимцуме она несёт совершенно объективный характер. Для выполнения функций, отличных друг от друга, как, например, сбор информации об антиматерии и принятии решения о воплощении, нужны границы. Это границы разумов, форм, функций. Нет ничего страшного, если границы будут нарушаться, но функционал может пострадать. Поэтому жители предпочитают огораживаться в домах, существуют районы, кварталы, уровни и прочие границы, позволяющие полноценно реализовывать функции.

Первое разделение было совершено... «Хватит!» – мысленно остановил сам себя Дрюм. Что за база данных у него в голове? Какой-то бесконечный поток мыслей! Именно поэтому он предпочитал медитацию. Расслабленное пребывание в моменте пустоты, только лёгкий ветерок «сейчас» от вращения Цимцума нежно ощущается на самом естестве эгума.

Дрюм покинул душевую кабину и вернулся в гостиную. Заварил чай. Медленно подышал ароматами трав. Сел

на коврик для медитаций и обратился к Поппи:

– Я понимаю, что у тебя не было злого умысла. Я понимаю, что само моё существование должно привлекать внимание. И я понимаю, что всё это делается ради наблюдений. Чего я не понимаю, то это субординации. Коллективное сознание. Это, как мне кажется, даже мощнее всех Аспектов вместе взятых. Я приношу извинения за те фривольности, что допускал в ваш адрес.

– погоди с извинениями, – вмешался Поппи. – С чего ты взял, что я какое-то там существо, требующее поклонения и уважения. То, что наплёл тебе Глушко, – полная чушь!

– Всё? – недоверчиво переспросил Дрюм.

– Не, ну не всё. Только та часть про коллективное сознание. Да, я подключён к Цимцуму, и это взаимно. Да, мои характеристики меняются со временем, но причина в тебе. Пока ты сам развиваешься, я развиваюсь вместе с тобой. Приятель, мы в одинаковых положениях: Цимцум просто считает с меня, что ему надо и когда надо. Иногда может вставить пару фраз.

– Пару фраз? – воскликнул Дрюм. – И как мне понять, когда и кто говорит?

– У тебя паранойя, Дрюм! – Поппи сложно было обвинить в дипломатичности. – Какая разница кто говорит? Слушай в первую очередь себя. Ты же «великий интуитивный навигатор, поэт, художник и гроза счастливых семейств».

– Так, коллективное сознание, – возмутился Дрюм. – Поз-

вольте узнать, можно ли мне от вас избавиться? То есть не от вас, от этого преувеличителя реальности Поппи?

– Нельзя, – невозмутимо ответил самописец. – Поппи – это на всю жизнь.

– Почему-то мне кажется, что Цимцум был бы не против, – заметил Дрюм.

– И почему тебе так кажется? – спросил Поппи елейным голосом.

– Интуиция, – бодро отозвался Дрюм.

– Вот именно на это и ориентируйся! – сухо сказал Поппи и потом спешно добавил: – Но Поппи сохрани.

Очередная перепалка с Поппи странным образом расслабила Дрюма. После сна Дрюм занялся обычными делами: зарядка, медитация, чай. Отдохнувший и полный решимости, интуитивный навигатор залез в комбинезон – тонко облегающую непрозрачную ткань из субатомных нитей. Установил соединение интерфейса с голокартой, проверил пропуск. Некоторое время молча смотрел на Поппи, но взял коробочку с собой. И вышел из дома.

Полусфера экрана под куполом Цимцума привлекла внимание с десятков существ, которые оживлённо махали то на экран, то друг на друга. По видимой части главного проспекта размеренно ползли транспортники. В комбинезоне Дрюм ощущал себя чуть легче, сильнее, быстрее, поэтому его последняя мысль перед выходом «С чего бы начать?» была заменена желанием прогуляться.

Дрюм закинул вещи в Луо, дал команду следовать за ним. Быстрым шагом эгум направился напрямиком к линии главного проспекта. По лужайкам и каменным дорожкам, по корням редких деревьев, через дворы и улицы. Главный проспект представлял собой мощную энергетическую линию, которая соединяла вершины города. Дрюм остановился у ограды и заглянул вниз. Даже с идеальным зрением можно было увидеть разве что цветные крыши строений четвёртого района.

В личность Дрюма были заложены типичные для гуманоидов механизмы, например, страх, благодаря которому он мог удерживать свою форму от опасности. Смотря в глубину Цимцума, навигатор чувствовал прочность перил и лёгкое головокружение, на мысленном экране сознания появились пугающие образы, и Дрюм хотел было отпрянуть назад, но в этот момент его настигло другое чувство – всепоглощающее видение будущего. Дрюму некогда было вновь задуматься о невозможности этого переживания в Цимцуме, поскольку то, что он увидел, потрясло всё его естество.

Видение началось со стремительного падения вниз, вдоль проспекта к нижнему району. Обгоняя самые быстрые транспортники, видение будто ударило сознание Дрюма о самую нижнюю точку города – ворота, для выхода в антипространство. Дрюм ощутил себя лежащим на холодной металлической плите. Навигатор смотрел вверх и видел, как искрящаяся чёрная субстанция разрывает пространство райо-

нов. Огромные строения, казавшиеся с его точки зрения игрушечными, разрушались и неровными обломками медленно падали вниз. А затем видение включило звук.

Дрюм услышал скрежет, скрип и гул миллионов существ, чьи плоть и потенциалы разрывались аномалиями, искривлениями реальности и прочими напастями, Навигатор не видел, как именно погибали существа. Видение не дало картинку, это был только звук и знание, о том, что Цимцум во всём своём великолепии скоро погибнет, разрушится, унеся с собой в небытие бесконечное разнообразие проявленной жизни.

Дрюм моргнул и отпустил ограду побелевшими от напряжения руками. Глушко был прав: это не просто помехи, это реальный вариант, к которому на всех парах стремится город. Но что может сделать простой интуитивный навигатор в мире, где обитают невероятно сильные сущности, почему не они, почему он?

«Выполнить свою задачу, – подсказал ответ Поппи. – Как каждый выполняет свою».

Дрюм молча кивнул и, утвердившись в решении сделать то, что ему поручено, забрался в висящий позади него Луо. Он дал команду спуститься на квартал ниже. Транспортник ловко подключился к тоненькой линии улицы и по дуге нырнул вниз. Эгум при этом не почувствовал никаких гравитационных изменений. Он мог бы даже провести чайную церемонию и не пролить ни капли.

Луо проехал по нескольким широким улицам и остановился у главного входа в академию. Здесь Дрюм провёл большую часть своей небольшой жизни. И хотя воспоминания эгума могли быть датированы давними временами или быть из других эпох, он осознавал, что реальная жизнь не насчитывала и двух лет.

– Семьсот одиннадцать циклов, если хочешь. Обновление структуры твоего тела происходит раз в год или через каждые четыреста циклов, – вмешался Поппи.

– Чего ты решил мне прочесть лекцию? – удивился Дрюм.

– Возможно, особая атмосфера этого места, – уклончиво ответил Поппи, умолчав о желании отвлечь Дрюма от пережитого видения.

– Интересно, ты правда можешь ощущать атмосферу? – Дрюм повертел в руках коробочку. После новостей о том, что Поппи не просто устройство, а ещё и его связь с коллективным сознанием Цимцума, навигатор решил лучше узнать своего помощника. – Может, ты считаешь не только мысли, но и мои ощущения?

– Варканские пчёлы. Это такой вид насекомых из мира 81—3. Занимаются сбором ментальных пузырей и перерабатывают их во вкуснейшие идеи. Посредники Цимцума собирают идеи, делают из них сладости, а потом распространяют их по всем мирам. Тонкий аромат тишины, открытие всего, озарение звёзд, великое пробуждение, от разнообразия даже

у вулканоида жилки затрясутся. Обязательно попробуй обратную память, – лампочки на коробке забегали в каком-то цветном рисунке. – Это я к тому, что идеи можно переживать без органов чувств.

– Звучит интригующе, возможно, я попробую что-то из этого, – Дрюм прикрепил Поппи к интерфейсу, коробочка вытянулась в прозрачный лист и приклеилась к устройству на левой руке навигатора.

Селена

Здание академии было построено в виде бутона распустившегося цветка. Гладкий матовый металл в контрастирующем сочетании оранжевого и синего служил материалом для лепестков. Каждый факультет академии занимал свой лепесток. Факультетов достаточно много, чтобы можно было легко сбиться со счёта. Лепестки здания медленно раскачивались, впрочем, внутри это движение не ощущалось.

Дрюм прошёл через овальный вестибюль, сферические стены которого были замощены экранами. На экранах транслировалось происходящее в Цимцуме. От проектов в мастерских до исповеди собирателя. Эгум зашёл в лифт и выбрал факультет определителей, симуляционную лабораторию. Именно там он надеялся встретиться с ней.

Ещё когда Дрюм был студентом академии, ему повезло познакомиться с Селеной. Девушка из семьи лакеров, то есть та, кто держит удачу за хвост, обучалась созданию игр и симуляций для реабилитационных центров. По странному стечению обстоятельств, что, впрочем, типично для лакеров, Селене предложили уникальное задание по разработке симуляции для навигаторов класса эфирный гуманоид. То есть для Дрюма, так как он был единственным в своём роде. Для Селены это был шанс продвинуться в её любимом деле.

Вместе они провели немало циклов. Селена изучала осо-

бенности эгума, тестировала на нём свои идеи. В итоге они подружились, однако после выпуска и реального выхода в антипространство Дрюму не довелось навестить Селену. Что же, пришло время, тем более ему требовалась её помощь. Лаборатория представляла собой скопление сложных устройств и мельтешащих повсюду механоидов, а над всем этими парили лаборанты в специальных креслах-полусферах. Дрюм замороженно рассматривал лабораторию: каждый раз, как он здесь бывал, помещение менялось. Одно из замечательных свойств лаборатории – расширяться и сжиматься в зависимости от необходимости проводимых опытов. От наблюдений Дрюма отвлек голос откуда-то сверху и сзади:

– Ты вовремя. – Дрюм развернулся на голос и увидел спускающуюся в кресле Селену. Она задорно болтала ножками и постоянно давала какие-то команды пальцами, не отвлекаясь от экрана интерфейса, Селена ответила на вопросительный взгляд Дрюма: – Мне как раз нужно протестировать одну симуляцию.

– Я не уверен, что сейчас подходящий момент, – начал было возражать Дрюм, памятуя о том, что он на задании. – Я хочу у тебя спросить...

– Потом, всё потом. А сейчас бери шлем, – какой-то механоид подлетел и вручил Дрюму шлем. – И не переживай, это не займёт много времени. Будь душкой, Дрюм, помоги мне.

– Ладно, – согласился Дрюм, понимая, что Селена от него просто так не отстанет. – Что мне делать с этим шлемом?

– Что делают со шлемами? Надевают их на голову, конечно! Подожди, не так – другой стороной. Вот так, да. – На экране интерфейса Селены появились какие-то надписи, Дрюм даже увидел себя, вращающегося вокруг своей оси. – Заходи в сферу.

– Может, ты объяснишь, что за симуляция? – спросил Дрюм, входя сферу перед ним. – А то как-то неуютно от этого.

– Вот не думала, что храбрый навигатор способен бояться, – захихикала Селена.

– Страх возникает как реакция на опасность для тела, – всплыли в памяти Дрюма подходящие слова. – В моё тело и личность заложено переживание страха, но как искусственный ограничитель. Например, если я вдруг захочу прыгнуть на главный проспект или обследовать поля антиматерии без костюма, то мне придётся увидеть множество образов, намекающих на нецелесообразность этих действий.

– А вот меня всегда пугает, когда ты начинаешь о себе говорить как какой-то механоид, – Селена чем-то расстроилась, но это длилось недолго. – Ладно, хватит занудствовать, Дрюм. Просто маленькая тренировочная симуляция арены для триптолгов.

– Кого? – спросил Дрюм, но сфера закрылась, и даже если Селена что-то ответила, он этого уже не услышал, а спустя мгновение эгум оказался в иной реальности.

Загрузка симуляции начинается с формирования допол-

нительной памяти. Это что-то вроде пузыря воспоминаний, к которому подключается сознание. После этот пузырь помещается в виртуальное тело и открывается возможность глобальных настроек. Сейчас настройки были заданы в случайном порядке, видимо, Селена хотела протестировать другой аспект симуляции.

Дрюм осознал себя триптолгом. Шестируким мохнатым силачом, родившемся в свинцовых прериях метанового гиганта, который его предки прозвали Стург. И в то же время Дрюм осознавал себя эгумом. Обе реальности походили на иллюзорные картинки, а он просто выбирает, в какую картинку смотреть. И сейчас иллюзия триптолга затянула в себя внимание Дрюма.

Дрюм осмотрел своё тело: шесть рук, жёсткая шерсть из какого-то металлического волокна. Ему трудно было определить рост, разве что по размерам комнаты, где он очутился. Тренировочные снаряды, скамейка и дверь, в которую он мог пройти только пригнувшись. Дрюм подошёл к снаряду – это был манекен какого-то существа с множеством конечностей. Дрюм почувствовал, как внутри него формируется импульс и вырывается вместе с криком. Руки хотели хватать, рвать, крутить, давить и он позволил это им сделать.

Триптолг Дрюм нещадно избивал манекен, и по мере этого процесса он лучше чувствовал своё новое тело. Ярость улеглась, точнее, распределилась по каждой клетке и вибрировала в боевой готовности. Дрюм повернулся к двери, и та

открылась. Освободился путь через тёмный коридор прямоком на арену. Дрюм сначала пошёл, а потом понял, что ему хочется скорости, и тогда триптолг побежал.

Арена встретила Дрюма чёрной тишиной и полным отсутствием гравитации, из-за чего тело триптолга, ускоренное инерцией бега, закружилось в пустоте. В сознании возникла подсказка об изменении режима видения. Дрюм заморгал и, постепенно, тьма разошлась фиолетовыми волнами.

Триптолги не воспринимали отражение фотонов, поскольку свет не пробивался через оболочку висмута, которой была покрыта вся планета. Зато триптолги были чутки к отражению гамма-лучей, через которые они ощущали пространство вокруг себя. А вместе с ворсинками их шкуры, улавливающей широкий диапазон волн, триптолги могли воссоздавать чёткую картину происходящего вокруг.

В фиолетовой сфере арены Дрюм обнаружил движение. Сгусток чего-то золотистого двигался в его направлении. Дрюм сконцентрировал внимание на сгустке. «Гидроблюм, – пришло к нему откуда-то знание. – Мутагенное сознание, использующее воду как инструмент». Существо замерло в нескольких прыжках от Дрюма. «Что дальше?» – подумал триптолг Дрюм.

– Приветствую вас на арене! – прозвучал глубокий голос со всех сторон. – Сегодня вас ждёт битва между триптолгом и гидроблюмом. Совершенный убийца и неуязвимая форма жизни. У каждого своя причина боя. Триптолг отстаивает

право своего мира на воплощение. Гидроблюм следует священной миссии жизни. Бой до полной дезинтеграции. Главное правило поединка – победить первым. Каждые триста секунд арена будет меняться, пока не превратится в чёрную дыру ровно через тысячу секунд. Готовы? Тогда начали!

Не успел Дрюм осознать весь смысл сказанных слов, как арена превратилась в химический суп из кислот, газов, раскалённых металлов и шаровых молний. Он всё это моментально идентифицировал, как и то, что гидроблюм принял кристаллическую форму и нёсся напрямиком на него. Без особых усилий Дрюм взмахнул нижними руками, средними схватил ядовитые булыжники, а верхними прикрыл ожидаемую зону поражения.

Когда гидроблюм врезался в блок Дрюма, тот мгновенно соединил руки с булыжниками, и кристаллическая форма гидроблюма рассыпалась на мельчайшие осколки. Ядовитые брызги проникли в гидроблюма, но тот никак не среагировал. Триптолг прокрутился на месте и принял атакующую стойку.

«Однако что атаковать? – задумался Дрюм. – Надо собрать осколки вместе или вынудить его поменять форму. Только вот какую? Как вообще дезинтегрировать воду?»

Пока Дрюм размышлял над планом дальнейших действий, гидроблюм вновь инициировал атаку. Частично испарившись, он окружил Дрюма со всех сторон и намеревался ошпарить триптолга. Дрюм почувствовал угрозу и вместо

атаки прыгнул в сторону от сгущающегося вокруг него пара. Гидроблюм среагировал на маневр триптолга, принял жидкое состояние и швырнул всё, до чего дотягивался, в Дрюма. Триптолгу оставалось лишь свернуться в шар и принять удары от многочисленных камней, электрических разрядов, огненных вспышек и сонма болезненных частиц малопонятного происхождения. Шкура триптолга выдержала атаку. Но показатель здоровья значительно снизился.

«Если он не перехватит инициативу, то...»

Дрюм поймал себя на мысли, что вовлечён в драку, которой не искал. И вместо следующего порыва броситься на врага Дрюм внутренним усилием переключился из состояния триптолга в состояние эгума. Теперь он хуже ощущал новое тело, но имел доступ к своему собственному арсеналу способностей.

Тем временем арена изменилась. Эгум в теле триптолга и гидроблюм, готовый к новой атаке, оказались в открытом космосе, между двумя звёздами. В этом небольшом клочке пространства бушевали гравитационные бури. Одно неосторожное движение, и тебя закрутит, завертит и раздавит гравитация. Дрюм не мог видеть гравитационные потоки, но его эфирное чутьё подсказало направление движения. Эгум послал телу триптолга указание двигаться, и оно среагировало.

Подобно серфингисту, триптолг скользил по волнам гравитации. Вверх, вниз, в любую сторону, на огромной скорости, чтобы избежать атак гидроблюма и получить время для

разработки плана собственной победы. У противника Дрюма случилась неприятность: гравитационная воронка засасывала в себя любую форму, которую тот принимал.

«Попал в капкан», – отметил Дрюм и тут же воспользовался своим шансом. Дрюм нашёл орбитальные потоки гравитации, так, чтобы оказаться вне досягаемости действия воронки и в то же время иметь возможность атаковать, и дал команду на дистанционную атаку.

Триптолги использовали гамма-излучение подобно локактору, чтобы видеть пространство. Но если направить это излучение на маленькую форму воды, то есть шанс, что она испарится, особенно под давлением гравитационных сил. Таков был план. Кто же знал, что капкан, в который попал гидроблюм, был ловушкой для Дрюма?

Вместо дезинтеграции гидроблюм принял форму ионного льда – твёрдой и горячей структуры. И этот горячий лёд был моментально выброшен из гравитационной воронки, а через несколько мгновений он прошёл сквозь тело триптолга.

Дрюм почувствовал ужас тела триптолга, которое только что потеряло три конечности – две правые руки и ногу. В таком состоянии надеяться на победу будет слишком оптимистично. Раны триптолга быстро заросли шерстью, сигналы болевых рецепторов подавил гормональный коктейль. И всё же нарушилась координация, сейчас так просто гравитацию не оседлать. И тогда Дрюм сконцентрировался на интуитивном восприятии.

Своей эфирной сущностью Дрюм почувствовал колебание потенциалов, он увидел, как гидроблюм перебирает варианты атаки, увидел, что все варианты будут фатальны для триптолга. Он увидел математическую суть гидроблюма. То, как это существо обращалось с потенциалами событий, было следствием расчёта вариантов. А это то, что это делает только одно знакомое ему существо – лакер, специалист по вероятностям. Иллюзия симуляции пошатнулась, и Дрюм осознал, что гидроблюм управляется Селеной.

Они чем-то похожи – эгум и лакер. Они взаимодействуют с потенциалами. Только если для лакера это интеллектуальный способ вычислить вероятность событий и выбрать оптимальное, то для эгума сами потенциалы, возможные события – это часть его сущности. Сонастраиваясь с потенциалами, Дрюм способен почувствовать вариант, который приведёт его к жизни. Селена – прекрасный лакер, с интеллектом, которым можно восхищаться. А он эфирный гуманоид и тоже кое-что может.

Дрюм расширил своё восприятие за пределы симуляции. Возможно, это жульничество, метагейминг, но раз он может такое сделать, то почему бы и нет. Эгум сфокусировался на потенциалах внутри лаборатории. Почувствовал их, а затем нашёл тот вариант, который сам просился воплотиться, настойчивый и яркий. Дрюм подхватил его и позволил событиям реализоваться.

Триптолг прыгнул в гравитационную яму как раз в тот

момент, когда его голову должен был пронзить паровой луч. Из гравитационной ямы, которая основательно помяла триптолга, он сместился к краю арены и спокойно стал ждать. Гидроблюм предпринял несколько попыток добраться до триптолга и замер. До смены локации ему не успеть. И тут гидроблюм завибрировал. Из тела триптолга стали поступать сигналы о потере жидкости. Каким-то образом гидроблюм впитывал в себя весь водород.

Из последних сил триптолг двигался в противоположную от гидроблюма сторону. Возможно, ещё несколько секунд, и поединок завершился бы. Однако локация сменилась. Вся арена покрылась зелёными искрящимися сферами регенерации. Триптолг дотянулся до одной из таких сфер, и его тело моментально начало процесс восстановления.

Сначала вернулась жидкость. Триптолг схватил другую сферу – затянулись раны. Дрюм направил триптолга к большой сфере. Гидроблюму восстановление не требовалось, но и ждать, когда триптолг исцелится, жидкий убийца не стал. Ледяные брызги, обжигающий пар, удушающие волны обрушились на триптолга со всех сторон. Этого было недостаточно. Дрюм достиг большой сферы, и потерянные в начале схватки конечности вновь отросли.

Триптолг ошетинился и зарычал. Тело рвалось в бой. Дрюм еле сдерживал его порывы. Сейчас, когда триптолг исцелился, сознание Дрюма захлестнули ярость, чувство силы и желание разорвать обидчика. Только вот как объяс-

нить симуляции, что обидчик неуязвим, и самое главное сейчас – это дождаться появления чёрной дыры. Триптолг делал шаг вперёд, Дрюм своим намерением разворачивал его назад, и вместе они избегали атаки гидроблюма, хватая зелёные сферы, чтобы держать здоровье на максимуме.

Время вышло. До появления чёрной дыры сто секунд и одно мгновение, пока их тела будет засасывать бездонная космическая пропасть. Темнота. Триптолг вновь подсветил пространство. В фиолетовой сфере Дрюм различил мерцающий силуэт гидроблюма и отпустил триптолга в атаку. Дикий шестирукий зверь бросился к цели. Вместо ударов по воде триптолг разинул пасть и в одно мгновение поглотил гидроблюма.

В такой ситуации смерть триптолгу обеспечена. Гидроблюм моментально закрутил органы триптолга в водоворот, переломал костные структуры, но Дрюм чувствовал, что триптолг жив. Ему осталось продержаться совсем чуть-чуть. Не победить, нет. Это невозможно. Но и не проиграть. Гидроблюм вырвался из почти мёртвого тела. Секунда, ещё одна. Чёрная дыра. Дрюм осознал последний миг жизни триптолга. Радость и обида. А потом всё, что было на арене, исчезло в чёрной дыре.

Пауза между выходом из симуляции продолжалась всего несколько мгновений. Дрюм видел, как пузырь памяти триптолга растворяется, и на его место возвращается искусственная личность эгума. Разве что в этой искусственности появи-

лась искорка чего-то настоящего. Дрюм наблюдал за живым трепетом искорки, пока поток смыслов не погасил её окончательно.

– Тебе понравилось? Ну, скажи, что понравилось, – услышал Дрюм голос Селены прямо у своего лица. Девушка разглядывала навигатора почти в упор. И тут же отпрянула, когда Дрюм открыл глаза. – А ты хитрый, Дрюм. Устроить ничью с гидроблюмом. Расскажи, как ты это сделал?

– Я бы чаю выпил для начала, – умоляюще отозвался Дрюм.

«О да, он бы сначала выпил чаю, а потом бы завалился в медитацию на пару циклов, а потом обязательно бы сочинил красивую поэму о своих подвигах на арене, – неожиданно вмешался Поппи. – Или даже написал картину».

– Правда? – искренне удивилась Селена. – А меня ты бы смог нарисовать?

– Не буду я никого рисовать. У меня сейчас... Эй. погоди-ка. Ты его слышишь? – Сколько ещё сюрпризов обнаружит Дрюм под своей дверью повседневности.

– Кого, Поппи? Конечно, слышу! – Селена спрыгнула с кресла и забрала у механоида чайник, который тот только что принёс. Достала чашки и налила в них напиток. – Вот, держи. Как и у всех лаборантов, у меня стоит ретранслятор. Оглянись – тут повсюду механоиды. Я с ними общаюсь. И чему ты так удивляешься?

– Да так, не важно, – Дрюм не хотел рассказывать о том,

что Поппи, как выяснилось, может выражать мнение самого Цимцума. И всё же он был удивлён, что его ментальный попутчик может досаждать не только ему. Селене же он объяснил так: – Просто подумал, что ты мысли научилась читать.

– Надо будет – научусь. Только неблагоприятная и скучная эта затея. – Селена передала чашку с чаем Дрюму, а сама вернулась в кресло. – Ты только представь, живое существо производит порядка ста тысяч мыслей в цикл. И каждая мысль сцеплена с воспоминаниями, чувствами, эмоциями, набором уникальных ассоциаций. А это значит, что если ты подумал простую мысль, например: «Мне нравится зелёный», то мне, чтобы понять эту мысль, надо будет узнать весь спектр твоих воспоминаний о зелёном и понять, какой именно зелёный ты имеешь в виду. Да-да, это важно. Кто-то думает «зелёный», хотя цветов никогда не различал, и для него это скорее ощущение кожи, чем реакция оптических сенсоров. погоди, это ещё не всё. В примере есть оценочное суждение – «мне нравится». А это значит, что для понимания мысли потребуется твоя личная шкала оценок от «мне нравится этот зелёный, детка» до «мне нравится, раз вы так хотите». И как, ты думаешь, мыслечтец всё это осознает? Как по мне, проще выбить ответы парочкой триптолгов, чем вечность расшифровывать мысли.

– А как же тогда это делает Поппи? – удивился Дрюм и тут же представил себя стоящим среди множества потоков информации в виде элементарных сигналов «да» и «нет»,

точка – тире, единица и ноль. Потоки складывались в символы, символы соединялись в образы, образы перетекали в мысли, мысли оформлялись в идеи, идеи в хаотично упорядоченной гармонии исполняли понятный только им танец. Одна из идей почувствовалась Дрюму странно знакомой. Только Дрюм захотел присмотреться к этой мысли, как взгляд его прояснился, и он с лёгким недоумением обнаружил перед своим лицом любопытную мордашку Селены.

– Ты чего это наяву гредишь? – строго спросила Селена, правда, глаза выдавали, что она скорее смеётся, чем ругается.

«Некоторые ответы не передать словами, боюсь, наш навигатор получил послание от Цимцума», – пояснил Поппи.

– И что в нём было? – уже осторожнее спросила Селена.

– Огоньки, – только и смог произнести Дрюм.

– Огоньки?! – опешила Селена. – Огоньки?!!

И они дружно рассмеялись. Они смеялись долго, основательно, порой у кого-то возникала мысль, что пора бы и прекращать, но волны смеха смывали все мысли. Каким-то образом смех прекратился, на этот раз окончательно, не как в прошлые паузы, после которых Селена выпала из кресла, а Дрюм пролил чай на пролетающего мимо механоида. Робот, кстати, не обиделся, лишь грозно моргнул красной лампочкой и улетел восвояси. Наконец они забыли, почему смеются, и смогли перевести дух.

– Рассказывай, что ты там хотел у меня спросить? – Селе-

на вернулась в кресло и приготовилась слушать.

– Такое дело. Я сейчас на важном задании. Мне вроде как надо составить карту, – ответил Дрюм, подбирая слова.

– Это твоя работа, я не думаю, что смогу помочь в этом, – Селена порой была слишком резка.

– Подожди, Селена, она здесь... – Дрюм поспешил вернуть интерес подруги.

– Кто? – оглянулась Селена.

– В Цимцуме тёмная энергия, – объяснил Дрюм.

– Не понимаю, – Селена хмурилась, что придавало ей особливо милый вид.

– Глушко сказал, что Цимцум подвергся влиянию тёмной энергии. И мне поручено найти источник, – наконец раскрыл карты Дрюм.

– Что?! – на этот раз Селена чуть не выпала из кресла из-за шока. – Это же серьёзное дело.

– Да, наверное, – Дрюм вроде бы понимал, что дело серьёзное, но как-то не до конца принимал факт своего участия в нём.

– Почему ты сомневаешься? Да это же как жизнь, важное задание. Вот везунчик, – прозвучала редкая похвала от лакера.

– И это ты мне говоришь? – Дрюм не знал, как отреагирует подруга на новость об угрозе Цимцуму, но уж точно не ожидал, что она обрадуется этому.

– Вот именно, это я тебе говорю, так что подумай, как те-

бе повезло, – с этими словами Селена похлопала навигатора по плечу.

– Или нет... – Дрюм по-прежнему сомневался.

– Почему нет-то? – отпрянула от эгума Селена.

– Потому что я не знаю, как мне решить эту задачу, – обречённо произнёс Дрюм. – Я Цимцум толком не видел.

– Хороший повод узнать. Кстати, а ведь ты прав. Совсем юный, ничего не понимает, а получил такое задание, – Селена в задумчивости закрутила одну из прядей волос в косичку. – Как же тебе удалось?

– Так это... интуиция, – ответил Дрюм, будто стесняясь достижения полученного происхождением, а не заслугами и трудами.

– Интуиция? – переспросила Селена

– Я вроде как могу пользоваться интуицией в Цимцуме, – пояснил Дрюм.

– Ого, так это же здорово! – Селена даже подпрыгнула в кресле от восторга. – Хотя погоди. Ты же не мог раньше. Это значит...

– Значит, что с Цимцумом действительно не всё в порядке, – совсем поник Дрюм.

– Я хотела сказать, что теперь понятно, как ты завершил бой ничьей, – строго сказала Селена. – Ну, и ситуация с Цимцумом малоприятная, согласна. Ладно, расскажи детально. Чем я могу помочь?

– Мне выдали Луо для перемещения. Я немного прока-

тился и понял, что в нём отсутствует гравитация. Из-за этого я не чувствую, куда надо двигаться. Можешь ли ты поработать над транспортником так, чтобы я мог чувствовать гравитацию, но при этом не разбился во время движения?

– А как же ты использовал интуицию в полях антиматерии? – спросила Селена. – Там-то тоже нет гравитации.

– Это ты меня спрашиваешь? – удивился Дрюм. – Ты же сама делала симуляцию для разведывательного транспортного. Я поэтому к тебе пришёл.

– Ой, точно, – спохватилась Селена. – Просто одни триптолги на уме, извини. Да, задача сложная. Мне же тогда специальные ресурсы выделили, а сейчас в распоряжении только эта лаборатория. Она слабовата для таких симуляций. Подходящее оборудование есть у Мойки, но просто так туда не попасть.

– Это может помочь? – Дрюм показал Селене пропуск, данный ему Глушко.

– Что? – Селена схватила пропуск и внимательно его изучила – О да! Ещё как поможет. Слушай, похоже, на тебя возлагают большие надежды.

– Ага, и это мне не нравится, – дёрнул плечом Дрюм.

– Почему? – спросила Селена, отдавая пропуск назад.

– Слишком серьёзно, слишком много ответственности, как-то это не по мне, – пояснил Дрюм.

– Да, понимаю, – ответила Селена, которая знала, что серьёзный Дрюм бесполезней механоида, так как в таком со-

стоянии он не способен предвидеть. Поэтому только рассмеши-
в интуита или превратив их занятия в игру, Селена была
способна активировать интуицию Дрюма. – Неужели после
настоящих заданий ничего не изменилось?

– Я чаще медитирую, – отозвался Дрюм. – Это помогает
прийти в нейтральное состояние. Но пока что это задание
вызывает тревогу, которую никак не могу прогнать.

– В общем и целом ты не беспокойся, Дрюм, – сказала
Селена после минутной паузы. – Я помогу. Тем более у те-
бя есть такой замечательный пропуск. Но прежде ты выпол-
нишь своё обещание.

– Это какое? – удивился Дрюм.

– Отобедай сегодня с моей семьей, – с хитрой ухмылкой
сказала Селена.

– Не помню, чтобы обещал такое, – Дрюм обратился к па-
мяти в надежде отыскать момент, где он говорил с Селеной
о чём-то подобном.

– То есть ты отказываешься? – угрожающе зарычала Се-
лена.

– Нет-нет, что ты, – спохватился Дрюм, который совсем
не хотел злить подругу. – Мысли вслух всего лишь.

– Вот и славно, тогда поехали, – улыбка Селены стала чуть
добрее.

– Поехали, – то ли спросил, то ли согласился Дрюм.

Селена завершила свои дела, отдала приказы, поставила
летающее кресло на подзарядку, полила дерево в горшочке,

связалась с деканом и доложила о своей отлучке. Дрюм тем временем молча наблюдал за ней, попивая густую чайную смесь.

– Ладно, – наконец сказала Селена, и они отправились в гости к семейству лакеров.

Семейство лакеров

Первое, на что обращаешь внимание, когда заходишь во двор к лакерам это хаос, опасный для жизни неподготовленного посетителя. Грабли, острые орудия и даже чёрные дыры вместо цветов на лужайке. Сделай неаккуратный шаг, и тебя больше нет. Поэтому Дрюм держался как можно ближе к Селене, пока они шли к дому.

– Вот это да! Вот это везение! – прогремел голос с другого конца зала, как только на пороге объявились Селена с Дрюмом. – Семья, у нас сегодня знатный гость.

– Дядя Чижар, привет! – помахала Селена расплывчатому пятну. Дрюм присмотрелся и распознал шарообразное существо с добродушным бородатым лицом и лысой головой. Пятно пошевелилось. Взору навигатора предстал двухметровый толстяк, который удивительно пружинистой походкой пересёк зал и, заключив Селену в объятия, потом подбросил её высоко вверх.

– Ай! – закричала то ли с испугом, то ли с удовольствием Селена, пока летела в опасной близости от оголённых электропроводов и чуть не задела макушкой свисающую с потолка миниатюрную звезду, играющую роль люстры.

– Рад тебя видеть, дорогая! – дядя Чижар поймал Селену и снова крепко обнял. – Засиделась ты в своей академии.

– Я тоже рада, – промычала Селена, чуть задышавшись

в складках бордовой мантии крупногабаритного дяди.

– А это кто с тобой? – Чи жар, наконец, отпустил племянницу и повернулся всем своим телом в сторону Дрюма.

– Это... мой друг – Дрюм... интуитивный... навигатор, – отрывисто, словно дозировала информацию, но на самом деле просто восстанавливая дыхание, ответила Селена.

– Да ты что?! – воскликнул Чи жар. – Друг. Восхитительно. Интуитивный навигатор. Тот самый. Рад видеть.

– Рад видеть, – эхом ответил Дрюм.

– Вы вовремя – мы как раз собирались обедать, так что проходите в столовую, – Чи жар махнул в сторону глубокой арки. – Там и поговорим.

Троица направилась в столовую. «Квартет», – напомнил о себе Поппи. «Да, точно», – мысленно ответил ему Дрюм.

Объёмная светлая столовая, где свет струится со всех сторон, встретила гостей шумом столовых приборов, хлюпаньем, чавканьем, случайным смехом и бормотанием. Дрюм позволил глазам привыкнуть к яркости, а потом удивился, что весь этот шум создавали всего три существа.

Селена обнялась с каждым из них, потом представила Дрюма, который услышал одобрительные возгласы в свой адрес, и наконец представила остальных членов семьи лакеров.

Брат Кассиро, сидевший во главе стола, походил на плюшевую игрушку с тремя глазами, каждый из которых пристально изучал интуитивного навигатора. Кассиро, по словам Селены, обладал непревзойдённой сверхудачей, которая

срабатывала раз в эпоху. Поэтому к его способностям прибегали редко, но, как говорится, к месту. В эту эпоху Кассиро уже сыграл свою роль, но какую конкретно, никто из присутствующих не знал, даже он сам, так как воспоминание было удалено в целях секретности.

– Выходит, что удача сейчас вам не благосклонна? – уточнил Дрюм.

– Вовсе нет! – ответила за брата Селена. – Даже без действия сверхудачи Кассиро настоящий лакер.

Второй Селена представила неопределённого рода птицу, которая, как цапля, стояла на одной ноге. Только эта птица была на метр выше Дрюма, а вместо своей головы имела разветвлённое листовидное дерево, из кроны которого доносилось больше всего шума.

– Сёстры Макоя не одно существо. Они – целый мир, живущий среди ветвей древоптицы, – объяснила Селена. – Макоя благодаря своей удаче смогли преодолеть невероятное расстояние, пространство и время, чтобы однажды оказаться здесь. В вопросах попадания в нужные места сёстры Макоя лучшие.

– Привет. А вы разговариваете? – спросил Дрюм. – И почему сёстры?

– Приветствуем, да мы говорим, когда есть что сказать, – ответили сёстры голосом, который внезапно раздался из интерфейса Дрюма. – Мы сёстры, потому что Макоя наш брат.

– Макоя – это древоптица, он заботится о созданиях, жи-

вущих в его кроне, – шёпотом пояснила Селена. – Их союз лучше всего описывается сестринско-братскими отношениями.

– Как интересно, – улыбнулся Дрюм. – Рад знакомству,
– И мы рады, – ответили сёстры, а сам Макоя лишь сменил опорную ногу.

Третьей была вполне себе обычная женщина гуманоид по имени Райка. Худощавая, с округлым лицом оливкового цвета и многочисленными татуировками по всему телу, Райка была старшей в семье лакеров, но ребячилась, пожалуй, больше, чем самая младшая – Селена. Удача Райки проистекала из её глубочайшей наивности и детскости.

– Дядю Чижара ты уже знаешь, – сказала Селена, хлопнув дядю по плечу, от чего тот добродушно засмеялся.

– Какая у вас удача? – спросил Дрюм, не дождавшись объяснений Селены.

– Хм... Хрум... Моя... Да, ну знаешь, как говорится, дуракам всегда везёт, – ответил Чижар, не отрываясь от еды, которой набил свой огромный рот.

– Не дуракам, а новичкам, – вставил замечание плюшевый Кассиро.

– А я что говорю? Если буду долго чем-то заниматься, то удача тю-тю, но если дело новое, то тут мне фартит, как никому другому. Это да. Только вот если всё время начинать и не заканчивать, то умным не станешь. Что есть, то есть, – разъяснил свою позицию Чижар.

– Будет тебе, дорогой. Количество может перерасти в качество, – сказала Райка и внезапно высунула язык, будто дразнилась. Чижар захохотал.

После знакомства лакеры и навигатор на какое-то время отделились обеде, а когда пришло время чая, вернулись к беседе.

– Тебя что-то тревожит? – спросила Селена у Дрюма, заметив, как он сосредоточенно рассматривает чай в кружке.

– Я думал, что раз вы семья, то, значит, родственники, но вы такие разные, не похожие, – раскрыл причину своей задумчивости Дрюм.

Лакеры дружно рассмеялись, даже Макоя раздались каскадом отрывистых звуков, похожих на смех, без использования интерфейса.

– Мы семья по духу, но кровных связей у нас нет, это правда. Лакеры слишком редкое явление, чтобы у родственников появилось два, – взял на себя объяснение Кассиро. – Более того, если у родственников появится сразу два лакера, то их сила может уничтожить саму себя. Минус на минус дают плюс.

– Разве удача – это минус? – удивился Дрюм.

– Минус, но не в смысле оценки. То есть удача – это, конечно, хорошо, но это минус с точки зрения силового взаимодействия с мирозданием. Это сила, которая трансформирует привычное, превращая его в удивительное. И вот представь, что в одной семье два лакера, что будет? А будет то,

что их необычное станет чем-то обыденным. Когда чудеса становятся нормой, то они перестают быть чудесами.

– Подождите, но ведь вы живёте в одном месте, и все вы лакеры, – удивился Дрюм.

– Это так, дорогой, – на этот раз ответила Райка. – Отличная загадка, да? Как же так получилось, найдёшь ответ?

Лакеры внезапно замолчали и внимательно посмотрели на Дрюма.

– Я попробую, – ответил Дрюм и задумался. Как могут существовать вместе существа, чья удача далеко выходит за понятие нормы? Дрюм некоторое время размышлял, не забывая потягивать густой чай с молоком. Семейство в это время услужливо притихло. Наконец Дрюм решился: – Не то чтобы я знаю правильный ответ, но попробую порассуждать. Очевидно, что вы все разные, и из описания понятно, что ваша удача имеет уникальный характер. А значит, минус Чижара не такой же, как минус Кассиро. – Райка хихикнула, Селена её одёрнула, но тоже не сдержала улыбку. Дрюм это не заметил и продолжил размышлять вслух: – Но этого было бы недостаточно, ведь какая бы ни была удача, если везёт всем, то не везёт никому. Это значит, есть что-то ещё. Я заметил, что вокруг много опасных вещей, и, как погляжу, все живы и здоровы, при невезении такого бы не произошло. И это меня ставит в тупик.

– Так ты сдаёшься? – вызывающе спросила Селена.

– Нет. Я сказал, что не знаю правильного ответа. Это так.

Но кажется, я его чувствую. Не знаю, как объяснить, но... – Дрюм качнулся и перешёл в состояние интуитивного провидения. Он увидел пространство вокруг себя в ином свете. От всех лакеров исходили золотистые лучи, которые сплетались в стены вокруг дома. А сам дом... это было немного жутко... никакого дома не было, только хаотичное пространство, искривлённое мрачными волнами неудачи. Дрюм открыл глаза. – Этот дом. Место, в котором вы живёте, это самая неудачная точка во всех вселенных. А значит, ваша удача не самоуничтожается, она меняет отрицательную силу пространства. Минус на минус дают плюс. Но поскольку в этом месте всегда минус, удача срывается снова и снова. Вот это да.

– Bravo! – захопала Райка, и к ней присоединились другие лакары.

– Спасибо, – благодарно улыбнулся Дрюм, но потом снова нахмурился. – Но подождите, если это такое небезопасное место, то любой, кто здесь окажется, если это не лакер, будет наделён горой неприятностей, если вообще выживет.

– Это так, – ответили сестры Макоя. – Если ты не лакер, то долго ждать беды не придётся.

– Я не лакер, – испуганно констатировал Дрюм. Потом чуть спокойнее добавил: – Однако со мной всё в порядке. Если, конечно, я что-то не так понял.

– Да всё с тобой хорошо, дружище! – заверила Селена навигатора. – Живой, здоровый и полон сил.

– Но как? – всё ещё не понимая, спросил Дрюм.

– Ты, дорогой мой, интуиит, – мягко сказала Селена. – И я давно тебя звала сюда, чтобы убедиться в твоих силах, но ты не шёл. А сегодня пришёл. Что это значит, а?

– Что сегодня и сейчас здесь будет безопасно для меня, – ответил Дрюм.

– Именно, – улыбнулась Селена.

– Это похоже на нашу удачу, – заговорил интерфейс Дрюма голосом сестёр Макоя. – Но мы слепы в своём пути, нам просто везёт. Ты же как-то видишь эти тонкие линии, которыми пронизано бытие. Это очень интересно, расскажи нам подробнее, как ты увидел суть нашего дома?

Дрюм описал сёстрам и другим лакерам о своём озарении. Ему задавали разнообразные вопросы. Он отвечал, пока не устал, и Селена, заметив это, отправила его домой спать. Оставаться у лакеров было бы слишком рискованно. Дрюм попрощался с семьёй подруги. Договорился с Селеной о встрече в начале следующего цикла и отправился к себе.

Мойка

Четвёртый район официально назывался рекреационным, но все его звали местом отдыха и увеселений «У Мойки». Здесь можно было встретить места, где от шума кружилась голова, а на соседней улице тишину можно было пощупать руками. Величественные бани, установленные на высоких столбах или в глубоких ущельях, плевались клубами пара. Аква- и аэропарки сотрясались от визга восторженных посетителей. Игровые площадки всех мастей собирали беззаботных существ для шуточных игр и состязаний. Многомерные комплексы оздоровительных процедур предлагали широкий выбор удовольствий: от массажа до параллельной ионизации. То тут, то там стояли игровые автоматы, у которых частенько можно было увидеть очередь. Чего здесь только не было, пожалуй, лучше всех знал об этом только Мойка – глава четвёртого района.

Селена приветливо помахала, когда Дрюм увидел её стоящей в дерзком наряде из облегающих бёдра жёлто-красных шорт и широкой оранжевой футболки. Она стояла в тени светового фонтана, который расплескивал цветные пятна в причудливых комбинациях под мелодичные трели искусственных птиц, рассаженных архитектором по круглому основанию этой конструкции.

Селена вышла из тени фонтана, стряхнув с себя зелё-

но-розово-белые брызги и пошла в сторону красного строения, квадратного во всём: кирпичи, двери, окна, стены, даже вывеска и буквы на ней были о четырёх углах. Надпись на вывеске гласила «Мойка». Судя по всему, это был главное административное здание.

Дрюм нагнал Селену, когда она уже открывала двери, поэтому не успел спросить, не слишком ли «нарядна» она для посещения администрации. И хорошо, что не спросил, так как её облик был под стать этому месту, где серость с позором проиграла буйству красок.

В отличие от внешней квадратности строения, внутри пространство было округлым, плавным, перетекающим. Дрюм внимательно осмотрелся и не увидел ни одного острого угла. Также его взгляд не встретил дверей и кабинетов, которыми отличаются бюрократические здания. Больше всего внимание навигатора привлекло чёрно-белое озеро, перетекающее само в себя.

«Инь и Ян, – подсказал Поппи. – Взаимопроникновение и вечное движение разнородных сил. Инь – мягкая и спокойная сила, Ян – активная и бурная сила. Заметь, что в центре Инь есть островок Ян, и в центре Ян есть островок Инь. Это говорит о том, что не существует настоящей раздельности, а любой дуализм условный. Всё есть части целого».

Пока Дрюм слушал голос в своей голове, Селена уверенными, даже слишком, шагами направилась к сиреневому бунгалу на берегу озера. Дрюм поспешил за ней. Возле стро-

ения Селена остановилась и обратилась к интуицу:

– Пропуск у тебя? Приготовь его. – Дрюм достал пропуск. – Хорошо, пойдём.

Они зашли в бунгало через овальное отверстие входа. Внутри царила прохлада и какой-то освежающий аромат. По коже пробежали электрические мурашки, сообщая о высоком электростатическом поле. Дрюм уже перестал удивляться тому, как меняется пространство в Цимцуме, но сейчас его слегка оглушила смена пропорций. Трёхметровое бунгало снаружи превратилось в зал безграничного космоса, где за столиками из галактик восседали существа всех окрасок и размеров. А порой это были даже не существа, а переливающиеся вселенные, которые попивали коктейли из сверхновых через соломинки времени.

В центре зала посетители увидели столб голубоватого света с желтоватыми отливами. Внутри столба в позе лотоса крутился Мойка – четвёртый Аспект Цимцума. Мойка то ли из-за голубого луча, то ли сам по себе светился и, кажется, пел. Присмотревшись, Дрюм увидел, что это скорее отражение на гладкой коже. Было видно, что Мойка вращается, но при этом его овальное лицо всегда смотрело на того, кто его видел. Мойка выглядел как эгум, то есть одного вида с Дрюмом, только массивнее и как-то более слаженно, величественно и расслабленно.

«Каждый видит в нём себя, – бесшумно пояснил Поппи. – Говорят, что на самом деле Мойка – это луч света, а осталь-

ное это уже иллюзия».

«А ты что видишь? – тут же послал мысленный вопрос Дрюм. – Я вот вижу совершенную версию себя».

«Я вижу то же, что и ты, – напомнил Поппи. – Но ощущаю в Мойке сверхразумную и очень заботливую программу».

– О мастер иллюзий, Аспект целостности, Мойка, приветствую тебя! – прервал ментальную беседу Дрюма голос Селены.

– Здравствуй, Селена, – бархатным голосом ответил Мойка. Песня прервалась, значит, он всё-таки пел. – Что привело тебя сюда?

– Мне, то есть моему другу. Вот он. Дрюм. Ты наверняка знаешь, он интуитивный навигатор. В общем и целом он попросил помочь, а я бы и рада, но мне не хватает ресурсов, так вот, может, ты сможешь? Я знаю, у тебя же есть более мощные виртуальные системы, чем у нас в академии. Хотя это меня всегда удивляло. Почему это в образовательном центре лаборатории куда проще, чем «У Мойки», то есть в центре рекреации. Если подумать, от того, как люди отдыхают, зависит не больше, чем от того, что они знают... – Селена по какой-то причине не могла остановить бессвязный поток размышлений. Дрюм слегка подтолкнул подругу. Всего лишь мизинцем. Селена тут же очнулась. – ...руки моют, да, но не так уж тщательно. Хм. Я что хотела сказать. У Дрюма есть пропуск. Важность большая. Помогите, Мойка, пусть нас в симуляцию.

– Интуитивный навигатор Дрюм, – внезапно официально, но от этого не менее бархатно сказал Мойка. – Как ты чувствуешь. Ведёт ли тебя интуиция в симуляцию, о чём просит Селена?

– Я, я не знаю. Пока просто доверился ей. Могу попробовать. Но ведь интуиция... а, да, вы же, наверное, знаете... – Дрюм и сам почувствовал, как мысли соревнуются между собой чтобы высказаться первыми перед величественным Аспектом, а в итоге на устах образовывалась лишь сумятица, больше свойственная детям. – Аномалии, как полагается... миссия...

– Да, Дрюм, я знаю об аномалиях и поэтому спрашиваю, ведёт ли тебя этим путём интуиция, – спокойно сказал Мойка, видимо, привыкший к оказываемому на посетителей эффекту. – Прислушайся к ней.

Дрюм погрузил своё тело и сознание в состояние интуитивного провидения. Космос сжался. Большинство объектов покрылось призрачной сеткой. Иллюзия. Но сам Мойка не изменился, так и висел в гигантском луче света. Дрюм пролетел взором по всему пространству и обнаружил несколько искривлений, которые обычно он видел на полях антиматерии. Если они имеются здесь, значит, ситуацию надо решать. Но он не знает как, зато рядом с ним пульсирует тёплый, искристо-белый потенциал Селены в нежном пузыре своего тела. И Дрюм почувствовал связь с ней, доверие.

– Я не знаю про симуляцию, об этом интуиция молчит.

Однако вижу, что аномалии вокруг есть. Вижу, что доверяю Селене. Если она говорит «надо», значит, так надо. Я с ней, – твёрдо ответил Дрюм, сумевший приструнить не в меру бойкие мысли. – Вот что говорит моя интуиция.

– Мне нравится твой ответ, – улыбнулся Мойка. – А вот аномалии здесь не нравятся. Сколько ни пытаюсь убрать, они каждый цикл прорастают. Мешают симуляциям, нарушают гармонию. Ты постарайся разобраться. Давай пропуск. Да, просто вставь в луч. Нет, это не бюрократия. Пропуск нужен, чтобы сохранить этот момент. Если что пойдёт не так, то ты восстановишься здесь. Точка сохранения. Аха-ха... Ну, да ладно, ты, наверное, не поймёшь, это шутка для стариков вроде меня.

Дрюм сделал, как ему велели. Потом они с Селеной поблагодарили Мойку и покинули бунгало. Их путь лежал на другой берег озера, к прозрачной сфере на трёх тонких шпильках. Друзья пошли против часовой стрелки вдоль берега.

– Ты уверена, что нам надо идти именно в этом направлении? – спросил Дрюм через некоторое время. – Кажется, мы идем уже долго, а сфера как была с другой стороны, так и осталась.

– Дрюм, Дрюм, – назидательно отозвалась Селена. – Это верное направление. Вот если бы мы пошли по ходу вращения Инь и Ян, то никогда бы не пришли к месту назначения.

– И почему так? – спросил Дрюм.

– Правило района. Хочешь куда-то попасть – иди против

течения. А хочешь продлить мгновение, тогда следуй движению Инь и Ян, – пояснила Селена.

– Как ты об этом узнала? – спросил Дрюм.

– Разве ты не понял, что я самая умная и проницательная? Мне открываются все тайные двери и любые знания! Я могущественная волшебница, А-ха-ха, – Селена заливалась смехом. – Что ты так смотришь? Шучу я. Всего лишь посмотрела инструкцию в интерфейсе. Это же так просто. Странно, что ты сам не догадался,

– Не знаю. Не подумал. Сделай скидку, я же здесь в первый раз, – оправдательно попросил Дрюм.

– Это нормально. Я понимаю, – Селена одобрительно хлопала Дрюма по спине и подмигнула.

Берег озера менялся: то под ногами хрустела мелкая галька, то ступни утопали в песке, а порой это была трава или мох. Они обходили стороной небезопасные для гуманоидов среды. Это были пляжи, на которых различные существа занимались чем-то малопонятным Дрюму.

– А чем они здесь занимаются? – Дрюм озадаченно смотрел на три глыбообразных существа. – Ты знаешь что-нибудь или лучше у интерфейса спросить?

«Дэвы», – пришла подсказка от Поппи.

Живые камни бились разными своими частями о металлический столб, а потом падали в резервуары с горячей лавой, жар от которой донёсся до Дрюма вместе с крошками каменной пыли, от которой навигатор чихнул.

– А, дэвы, – буднично сказала Селена. – Как чем? Спортом. Укрепляют себя. Что-то вроде тренировки.

– И зачем им это? – внимание Дрюма было приковано к существам. Раздробленные о железный столб, с трещинами и все в пыли, после лавовой ванны они обрели иной вид. Будто проступившие вены на теле гуманоида, огненная смесь сетью покрывала живые валуны.

– Так они же из демоноидов, – Селена даже замедлила шаг. – Ты и этого не знаешь? В общем, дэвы сражаются на Арене за фракцию демоноидов. А здесь они укрепляют себя, ну, наверное, чтобы быть сильнее.

– Понятно, – Дрюм слышал о втором квартале Цимцума – Арене, где фракции демоноидов и ангелоидов выставляли своих бойцов и сражались между собой, но причину их сражений Дрюм не до конца понял и решил, что обязательно выяснит этот вопрос, когда сам посетит второй квартал. И тут же вспомнил, что обязательно посетит, поскольку это часть его задания.

Они шли какое-то время, пока не оказались на пустынной площадке золотистого цвета. Здесь было красиво, а чёрная гладь озера смешивалась с белой – пограничье, пляж накануне, ещё не завтра, но уже не вчера. Селена предложила отдохнуть и набраться сил в озере. Дрюм согласился. Они сбросили верхнюю одежду и погрузились в воду. Или всё же не в воду.

Озеро было сухим, оно пощипывало лёгкими разрядами

кожу и создавало ощущение невесомости, почти как в Луо. Дрюм нырнул, сначала с закрытыми глазами, потом открыл и увидел похожие световые пятна-вспышки. Такие можно увидеть, когда закрываешь глаза перед сном: ещё не образы, только эскизы будущего сновидения.

Сначала Дрюм задержал дыхание, а когда понял, что это не вода, вдохнул. Вспышки перед глазами стали обретать более чёткие очертания, однако как только он концентрировался на них, образы превращались в смутные пятна. Тогда Дрюм расфокусировал зрение и стал просто наблюдать. Благо опыт медитаций позволил ему это сделать с лёгкостью.

Образы снова стали более чёткими, пока не превратились в реалистичные пейзажи и фигуры. Дрюм летел между огромными океанскими волнами, смотрел на застывшие в шторме корабли, он поднялся на вершину горы и был подхвачен стаей птиц, которые распались на белые мохнатые шарики, гонимые ветром, они залетели в пещеру. Из древней пасти, ошетилившейся сталактитами и сталагмитами, его выдернула чья-то грубая сила.

Дрюм вынырнул уже с открытыми глазами. Селена держала его за руку и встревоженно хмурилась:

– Ты чего это?! – сердито сказала она. – Утопиться решил?

– Нет, почему ты так решила? – непонимающе переспросил Дрюм.

– Тебя не было слишком долго, – Селена вышла на берег, не отпуская руку Дрюма. – Я испугалась,

– Ты испугалась? – удивился Дрюм. – Разве в этом озере можно утонуть?

– Утонуть не утонуть, а вот забыться на пару эпох это легко, – Селена снова облачилась в свой пестрый наряд. – Делать мне больше нечего, как ждать столько времени!

– Мне кажется, прошло всего несколько мгновений, – Дрюм тоже оделся. – Не понимаю, чего ты волнуешься,

– Ага, несколько. Половина цикла пропала. Я уже устала нырять за тобой, – Селена завязала волосы в пучок, сердито хмыкнула, потом улыбнулась. – Ладно, я всё время забываю, что тебе по каждому пункту нужна инструкция. Ты уже понял, что это не озеро. Инь и Ян – поток сил, которые живут в своём времени, и если ты погрузишься слишком глубоко, то можешь раствориться в них, стать частью озера. Собственно, оно и состоит из таких вот недотёп, которые решили познать свой путь, а в итоге были захвачены бесконечностью. Слышала, что раньше это озеро было меньше лужи.

– Ого, и почему ты меня не предупредила сразу? – возмутился Дрюм. – Опасно же.

– Вот ты даёшь. Я же лакер. Мне об опасностях думать не надо, для меня всё удачно будет. А вот твоя интуиция как работает, я не знаю, может, повезёт, а может, уведёт в такие дебри, куда лучше не соваться, – Селена порозовела. В это мгновение Дрюму впервые стало ясно, что она красивая, такая красивая, что захотелось обнять эту дерзкую девушку. Он так и сделал.

– Эй! Ты чего? – удивилась Селена, но из объятий не вырвалась.

– Просто рад, что ты есть, что ты такая живая и яркая, – сказал Дрюм, чувствуя дыхание Селены на своей груди. – Спасибо, что позаботилась обо мне. Не зря интуиция подсказывает держаться к тебе поближе.

– Да ну тебя, – Селена покинула объятия Дрюма, тихо добавив «пожалуйста».

Селена и чуть позади от неё Дрюм снова отправились в путь. Сделали несколько шагов и оказались возле сферы, к которой шли. Проглотив удивление, они осмотрели сооружение и не нашли вход. Только стеклянный октагон на земле возле сферы. Селена встала на октагон и тут же исчезла. Дрюм последовал её примеру. Встал, моргнул, и вот он уже стоит внутри молочно-белой пустоты.

– Вот это да. Какая мощь! Симуляция что надо. Дрюм, давай ключ от Луо, – Дрюм слышал голос девушки, но не понимал, где она сама.

– Куда давать, где ты? – спросил интуит.

Белое пространство покрылось рябью. Возле Дрюма появилась рука девушки.

– Я везде. Как и ты. Это же симуляция, можешь мастерить любое пространство. Но, по секрету, нас с тобой здесь нет. – Рука забрала ключ и исчезла.

– Где же мы? – удивился Дрюм. – Если не здесь?

– Не знаю точно. Сейчас мы часть симуляции, – голос Се-

лены то отдалялся, то приближался. – А потом, наверное, снова станем собой, здесь намного сложнее, чем в моей лаборатории, пока не разобралась в тонкостях.

– И чем ты сейчас занимаешься? – спросил Дрюм. – Я ничего не вижу.

– Сейчас я буду создавать гравитационное поле, сделаю из него программу и помещу в твой ключ, – ответил голос Селены. – Хочешь посмотреть, как я это делаю?

– Конечно, – согласился Дрюм, надеясь снова увидеть Селену. Но та не появилась. Зато Дрюм осознал, что белое пространство вокруг сжалось до прямоугольника, а он сидит в удобном кресле, в кромешной темноте, пьёт вкусный чай и смотрит, как на белом прямоугольнике появляются картинки.

– Гравитация, – прогремел голос из темноты. Это был мужской баритон, которому хотелось верить. – Что мы знаем о ней? Связующая субстанция, что пронизывает все миры. Её нельзя взвесить и невозможно увидеть. Гравитация живёт где-то в значении математических формул. Мы же постигаем её силу через чувство тяжести, через влияние планет, через незримые совпадения, что соединяют, на первый взгляд, несовместимое.

Дрюм погрузился в голос и смотрел на картинки, которые иллюстрировали рассказ незнакомца:

– Гравитацию невозможно поймать, как бабочку, но её можно призвать, как добрую фею, если разделить неразде-

лимое.

В прямоугольнике наконец появилась Селена. Она стояла обнаженной, с распущенными волосами. Её тело было практически прозрачным. Селена свела руки над головой, сделала круговое движение телом, качнулась в сторону. Отовсюду полилась музыка, мягкая, с перламутровыми оттенками флейты. Селена танцевала. Дрюм заворожённо созерцал её то угловатые, то невероятно изящные движения. По телу эгу-ма разлилось тепло.

В какой-то момент Селена обернулась вокруг своей оси. Дрюм обнаружил, что смотрит уже на двух идентичных девушек. Почти идентичных. Можно было увидеть, что одна из Селен слегка запаздывает. Девушки сделали другое вращение, так на экране появилась третья копия, четвёртая, пятая, потом Дрюм сбился со счёта. Селены танцевали, но копии стали исчезать, пока не осталась первая и последняя. Они были настолько не синхронны, будто это разные девушки.

Одна из девушек остановилась, пока вторая танцевала, и посмотрела с экрана прямо на Дрюма, а потом выпрыгнула из прямоугольника в темноту и исчезла. Белый прямоугольник начал складываться пока не превратился в белый кубик, в центре которого всё ещё танцевала Селена.

Из темноты появилась рука, взяла кубик, и вокруг стало совершенно темно. Через пару мгновений рука появилась рядом с Дрюмом, потянула за что-то сверху, и загорелась

лампочка. Дрюм увидел, что сидит за столом. Напротив него сидит Селена. На столе лежит ключ от Луо и белый кубик. Селена аккуратно разместила кубик в паз ключа и передала ключ Дрюму.

– Думаю, что готово, далее тебе самому проверять, – устало сказала Селена.

– Спасибо, – сказал Дрюм, убирая ключ в карман комбинезона. – Как ты себя чувствуешь?

– Нормально, – прошептала Селена. – Спать хочу. Пойдём,

– А как? – спросил Дрюм.

– Доставай пропуск, и... – Селена не договорила и уснула.

«Для активации пропуска дай ментальную команду», – подсказал Поппи. Дрюм и забыл про своего сознательного спутника.

«Так ты был с нами?» – спросил Дрюм.

«Да. Я всегда с тобой. Хотя здесь мне сложно, уж сильно фонят эти устройства», – прозвучал ментальный, полный недовольства голос самописца.

«Значит, надо просто дать команду?» – уточнил Дрюм.

«Ага», – подтвердил Поппи.

Дрюм сделал, как объяснил Поппи, и сразу же оказался в зале у Мойки. Селена стояла рядом с ним и тут же упала на кем-то заранее подготовленный пуфик. Дрюм бросился было к ней, но голос Мойки остановил его:

– Оставь. Она здорова. Просто спит. Я отправлю её в зо-

ну для сна, можешь не волноваться. Если хочешь, то и сам отдохни, – Мойка вопросительно смотрел на интуита.

– Нет, спасибо. У меня есть дела. С ней точно всё хорошо? – Дрюм не чувствовал тревоги, но хотел убедиться, что не бросает подругу.

– Всё хорошо. Студентам рано пользоваться моими симуляциями, истощают. Но она молодец, – прокомментировал Мойка с нотками нежности в голосе. Интуитивный навигатор мысленно поблагодарил Селену и покинул здание Мойки.

Луо стоял недалеко от фонтана, где они встретились с Селеной. Прежде чем провести испытательный полёт, как он надеялся, с гравитацией, Дрюм решил немного пройтись по району.

«Или какой-то малой его части, – вставил своё слово Поппи. – Район-то большой для пеших прогулок».

Действительно, куда ни глянь всюду строения, незнакомые улицы, дома. И за каждой дверью могут скрываться большие пространства, как Дрюм убедился, посетив Мойку. От этого кружилась голова, и, чтобы успокоиться, а заодно найти безопасное для испытаний место, Дрюм открыл карту в интерфейсе и нашёл маршрут по своему запросу.

Пройдя несколько улиц Дрюм вышел к холму, который мог спокойно называться горой. Вокруг холма раскинулись поля с сиреневыми, красными, белыми и жёлтыми цветами. Существ вокруг не было, разве что у одного из полей играли

дети, а может, то были существа малого размера – в Цимцуме так сразу и не скажешь.

Дрюм прошёлся по сиреневому полю и ближе к центру упал спиной прямо на цветы. К счастью, те не сломались, поскольку обладали пружинистым свойством. Дрюм покачивался на бутонах и рассматривал крышу района. Отсюда ему был виден главный проспект. Дрюм пригляделся и увидел знакомые, но непривычные очертания шестого района, отрывками видные в просветах между зданиями фабрик пятого района.

Крыша четвёртого района походила на лоскутное одеяло. Где-то можно было увидеть солнечное небо, где-то стояла ночь, раскрашенная каплями звёзд. Вместо некоторых лоскутов светились экраны мониторов. Были и места со зданиями, видимо, для существ, которые видят мир совсем иначе.

Дрюм вспоминал момент, когда он восхитился красотой Селены и обнял её. Раньше он не испытывал таких чувств. Притяжение к другому существу. Странно, давящее и немного пугающее. Было в этом что-то знакомое, как будто когда-то он уже переживал такое, но почему-то забыл. Вместе с попыткой вспомнить чувство пришла боль. Это была какая-то тихая боль, похожая на тоску, на забытую грустную мелодию.

– Как думаешь, Поппи, я могу любить? – обратился навигатор к своему самописцу в надежде, что ему ответит кто-то мудрый и всезнающий, например коллективный разум Цим-

цума.

– Любить? – переспросил Поппи. – Не знаю, Дрюм. Время покажет, и ты сам сможешь ответить на этот вопрос.

– Я произнёс это слово, оно само пришло ко мне, но что это такое? – продолжил вопрошать Дрюм.

– У каждого существа своё значение. Каждый чувствует так, как это положено ему, – ответил, не отвечая, Поппи.

– Кем положено, Поппи? – взволнованно спросил Дрюм. – Любовь положили в мою личность, да?

– Не думаю, Дрюм, разве что память и информацию. Но не чувство. Оно возникает само, там, где не ждёшь, без всяких причин, – пояснил мастер уходов от ответа.

– А ты можешь любить, Поппи? – зашёл с другой стороны Дрюм.

– Я разумное записывающее устройство, Дрюм. Моя программа больше любви, – градус гордости за себя зашкаливал в словах Поппи, но Дрюм не обратил на это внимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.